

Александр Володин

Каково же было их удивление...

*Часть сборника
С любимыми не расставайтесь!
(сборник)*

Александр Володин

Каково же было их удивление...

«ЭКСМО»

1989

Володин А. М.

Каково же было их удивление... / А. М. Володин — «Эксмо»,
1989

«Отец был алкоголиком. Приучил к этому и жену, мать мою. Нет, лучше мою мать. А то мало ли как поймут. Мать отдает ребенка в детдом и исчезает навсегда. Гордый, одинокий, несчастный...»

© Володин А. М., 1989

© Эксмо, 1989

Александр Володин

Каково же было их удивление...

Отец был алкоголиком. Приучил к этому и жену, мать мою. Нет, лучше мою мать. А то мало ли как поймут. Мать отдает ребенка в детдом и исчезает навсегда.

Гордый, одинокий, несчастный...

Но у меня врожденные способности. Чуть не окончил институт – вот эта пагубная моя привычка к спиртному. Турнули. Дальше – больше. Незаконно лишили квартиры – я один, к тому же пьющий. В квартире из двух комнат. Потом турнули с работы. Сейчас устроился почтальоном, разношу и эту вот газетку. А деньги нужны, и еще как. Зарплата скудная, да на одном месте не удержишься. Уже было замечание – медленно разношу. Тут поговорил с хозяйкой, там поговорил с хозяином – уже и рабочий день кончился. Приходится, от случая к случаю, кому что понадобится. Но все – честным путем. А вот Очкастый – это уже не ко мне. Это значит опуститься на дно жизни. При писании рука дрожит – первый результат неумеренного алкоголя. Приму – перестает дрожать, но, чтобы перестала дрожать, надо немного принять. Замкнутый круг. Единственное, что вселяет надежду, я до удивления легко все схватываю. И активно совершенствуюсь в любом деле. К сожалению, скоро бросаю. Опять же результат неумеренного алкоголя. Я-то еще ничего, некоторые напиваются до омерзения.

Кажется это мне или нет? Меняются лица. Лбы стали уже. Рты сделались грубей. Просто для еды. И все остальное. Руки, например. Для мордобоя. Ноги пошли в ход. Вчера в пивной: один осатанел от злости, вопит: «Что сказал? Ты что сказал? А ну, выйдем!» Другой: «Не надо туда, там у меня сын, давай лучше здесь». Но осатанелому нужен простор, обязательно там. Выволок на улицу. Драка прицельная, ногами. Маленький сын стоит, смотрит. Еще кто-то подбежал, схватил по пути дощатый ящик, с размаху огрел осатаневшего по голове. Тот свалился. Теперь оба стали бить его ногами. И мальчик подошел, тоже постукал ножкой по затылку. Это один пример. Немало привел бы.

Полицейские джипы рыскают по городу, пышут зелеными колпаками.

Убийства! Девушка, жила в соседнем доме, приветливая, тихая. К ней ходил нотариус. Оказалось, что она больна, нотариус ее пристрелил. Восемилетний мальчик заблудился за городом ночью, запутался в сетке ракетной установки. Часовой его пристрелил. Лютует шайка Одноухого. Убийства в драках и на любовной почве суды уже не рассматривают.

Осенний дождь на улице. Не льет, не капает, не моросит – просто находится в воздухе. Как будто навсегда решил поселиться в нашем городе. В этой жизни. Темнеет, улицы пусты. Еще светится окошко бара, но и там пусто. А мне пора устраиваться на ночь. Вот сараюшка. Подошел – замок навесили, гады. Наверно, сообразили, что я тут обосновался. Вот магазин, это – не для нас. Пустые полки, все упрятано на ночь. Лампочка освещает внутренность, поэтому кажется, что там тепло. Вот бы где пристроиться, в углу, за прилавком. Но окна забраны решетками, на двери наверняка сигнализация.

Город мой! Переночевать негде. Нашел другую сараюшку. Доски выломаны, ветер свищет.

Утром, только просыпаюсь – передо мной предстает Землеройка. Так ее называли в школе. Почему – неизвестно. С нею я провел тогда несколько лет. Дальновидная была. «Ты же уйдешь в армию, и еще неизвестно...» То есть – еще вернешься ли. Заботилась о будущем. Отношения наши стали так тягостны, что, вернувшись из армии (будь проклята родная казарма!), я зарекся не встречаться.

Но вот – нашла все же меня. И где! Стоит, скосив глазки, склонив к плечу головку.

Надо оправдываться.

– А я все собираюсь зайти...

Она с готовностью закивала головкой: конечно, мол, собирался, и, конечно, что-то помешало. И вдруг:

– Жду, когда скажешь человеческие слова... Нет. Ни одного!

С болезненной какой-то злобой. Что-то неисправимо изменилось в ней. И странно представить, что некогда она могла возбуждать воображение.

– Пить-то зачем! Помнится, хотел быть независимым человеком. А зависишь от выпивки! В городе говорят! Кличку тебе уже дали! Каково мне это слышать...

Ответил. Просто вырвалось, непечатным выражением.

– Что?..

– Ну прости...

– И запомни...

– Сказал же, прости...

– Не думала, что мы так встретимся.

– И я не думал.

– Может быть, мне и приходиться не надо было?

Промолчал. Может быть, не надо было.

– Я наблюдала за тобой издали. У тебя нервное перевозбуждение, оно граничит уже с патологией. Но я не просто пришла. У меня к тебе предложение. Хочу отвести тебя к человеку, который излечит от этого навсегда. Все его зовут просто по инициалам, К. М. Давай попробуем... А? Нет – так нет. А вдруг!..

– Тактично не сказала – от алкоголизма? Алкаш я. Так понял?

– Да он лечит вовсе не от этого! Он избавляет именно от нервных перенапряжений. А это только следствие – тяга к алкоголю. Конечно, не алкоголик. Какой же ты алкоголик. Но есть же у тебя нервное перенапряжение!

– Нету меня нервного перенапряжения! Это сейчас я нервный. Все остальное время я спокоен.

– Не знаю, это трудно объяснить. Он не просто психопатолог. Он излечивает от астмы, от экземы. От рака! Возвращает человеку память, свежесть восприятия, о нем легенды ходят! Станешь опять такой, какой был в восемнадцать лет! Помнишь, какой ты был?

– Не помню.

– Прежде ты был другой!.. И опять станешь такой! У него лечатся большие люди, которых я тебе назвать не могу! К нему попасть – это великое везение! К нему очередь! И я о тебе уже договорилась! Причем он не терпит людей с гонором, а ты скромный человек.

Землеройка вела меня через старое кладбище. Потом потянулись пустырь, бывшие мастерские, угрюмые, приплюснутые к земле завалы ржавых труб, заскорузлых досок, завезенных сюда невесть когда, мостики через болотистый ров. И наконец – линиякое полурухнувшее здание. Когда-то здесь что-то помещалось.

Землеройка постучала в многостворчатую железную дверь. Через некоторое время ее открыла девушка в белом халате.

– Это со мной, – сказала Землеройка. – К. М. разрешил.

Значит, она – своя здесь? Может быть, и лечилась?

– В комнату бесед, пожалуйста, – сказала девушка. Комната бесед была обширная, показанному беленная, напоминала нашу госпитальную палату.

Когда мы вошли, за длинным столом, накрытым клеенкой, люди пили чай. Они сразу же стали приветствовать Землеройку: «Что же вы, где же вы, а мы тут вас!..» Затем принялись здороваться и со мной. Добросердечно, но как бы сдерживая до поры радость предстоящего, более близкого знакомства:

«Пожалуйста, с нами чаю, наверное, остыл, надо подогреть, вот сушки, вот пирог, домашний пирог, не стесняйтесь, у нас не стесняются!»

И сразу же перестали обращать на меня внимание, чтобы я не стеснялся. Продолжали застольную беседу, из которой явствовало, что здесь все друг к другу привязаны и мне будет предложена такая же всеобщая симпатия и ненавязчивые знаки внимания.

Ожидание в «комнате бесед» длилось и длилось, никому не было скучно. Время от времени заваривали чай: «Попейте еще, хороший чай, целебный, а пирог наша Улочка спекла!»

А Улочка – это была общеизвестная уличная. Иностранцы нас не посещают – провинция, штат девушек постепенно сократился в конце концов до одной, да и ей теперь приходится искать клиентов не в гостинице, а на улице, поэтому ее так и называли. Здесь же ласково – Улочкой. Рыжие волосы не полыхают, как обычно, а по-домашнему гладко, жакетик на все пуговички, чтобы и в мыслях ни у кого не было и не подумал бы никто ничего такого. Никто и не думал.

За шахматной доской сидели трое, которых я помнил по вышеупомянутой драке: тот, что с маленьким сыном, тот, что бил ящиком, и осатанелый, – здесь приветливые, тихие.

Я обратил внимание на человека преклонного возраста с ироническим лицом. Оказалось, что он был членом парламента, специально приехал лечиться. Характерно, что никто не высказывал здесь особых знаков уважения к нему. Вели себя так, будто и не знали, кто он. Землеройка, пожалуй, даже злоупотребляла этим: завела разговор довольно рискованный да, по-моему, и бестактный.

– Вот, объясните, пожалуйста, почему у вас там, в верхах, торжествует ординарность?

Член парламента добродушно отбивался.

Но вот в двери появилась девушка в белом. И, прежде, кажется, чем она появилась, все встали. К молодым сотрудникам, как убедился позже, относились с особым любовным почтением. Они работали сутками, спали здесь же, по три часа, многие приехали издалека.

– Пожалуйста, на обследование.

Отправилась простая женщина с веселыми бровками треугольником. Ее проводили пожеланиями успеха. (В чем?)

А члена парламента все не оставляли в покое.

– Как это Одноухий набрал себе столько бандитов, что с ними справиться нельзя? – спросил тот, что бил ящиком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.